

Белый рояль, чёрный туман

роман-трагифарс

ЯН БОВСКИЙ

Ян БОВСКИЙ

Белый рояль, чёрный туман

«У Никитских ворот»

2018

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Бовский Я.

Белый рояль, чёрный туман / Я. Бовский — «У Никитских
ворот», 2018

ISBN 978-5-00095-589-5

Когда тонешь, хватаешься за соломинку. Пианист Кречетов, не знающий поражений, терпит провал на конкурсе Чайковского и готов свести счёты с жизнью. Но вдруг появляется друг детства и вовлекает пианиста в мир шоу-бизнеса, где правит золотой телец. Шоумен создаёт яркие, впечатляющие, но разрушающие сознание музыкальные композиции. Предавшего своё призвание пианиста преследует злой рок. Даже любовь всей жизни оказывается всего лишь блуждающим огнём. Попытки выкарабкаться порой трагичны, порой анекдотичны, но одинаково безуспешны. Но Кречетов следует известному кредо «шоу маст гоу он», и в голове его созревает гениальный план...

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00095-589-5

© Бовский Я., 2018
© У Никитских ворот, 2018

Содержание

Прелюдия	6
Глава 1. Провал	10
Глава 2. Гудвин от музыки	17
Глава 3. Тень гоблина	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ян Бовский

Белый рояль, чёрный туман

© Ян Бовский, 2018

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2018

* * *

Музыка... глубоко проникает в... сознание и легко меняет нравы и обычаи...

Сюнь-Цзы

Музыка заставляет... забывать себя... под влиянием музыки кажется, что... чувствую то... чего не чувствую, что... понимаю то, чего не понимаю, что могу то, чего не могу.

...Музыка так страшно, так ужасно иногда действует... Разве можно допустить, чтобы всякий, кто хочет, гипнотизировал бы один другого или многих и потом делал с ними что хочет.

Лев Толстой, «Крейцера соната»

Прелюдия

На скамейке лежал человек. В самом центре Москвы, на Тверском бульваре. Был пред-
рассветный час июньского утра начала «нулевых».

Дворник Кирилл неторопливо подметал дорожки, поглядывая на лежащего. Когда он доковылял до скамейки и наклонился к незнакомцу – обнаружил, что это молодой мужчина. До подбородка тот был укрыт светлым плащом. Под русой головой лежал чёрный кожаный портфель, под щекой – сложенные ладошки: так укладывают детей в тихий час в детском саду. Мужчина спал и ворочался во сне. При этом на его лице возникало болезненное выражение: узкое пространство деревянной скамейки не позволяло бедняге пристроиться поудобнее. Он вздыхал, сомкнутые веки с белёсыми ресницами нервно подрагивали – сон был беспокойный.

Рядом с лавочкой валялась раскрытая газета. На развороте крупным шрифтом выделялся заголовок статьи. Кирилл, запинаясь, прочитал: «Музыка может управлять людьми». В недоумении поднял газету, повертел в руках. Постоял в нерешительности – бросить газету в мешок с мусором или оставить на чемодане, тут же возле скамейки.

Из-под плаща высунулась нога в чёрном носке и джинсовой штанине. Кирилл покачал головой: надо же, разулся, культурный, значит. Тут только он заметил чёрные кожаные туфли с удлинёнными носами, засунутые глубоко под скамейку. Кирилл ещё раз окинул взглядом незнакомца. Непохоже, что пьяница какой-то или бомж. Спящий плотнее натянул плащ и свернулся калачиком на манер его внука, как большой ребёнок. А скамейка жёсткая. Кирилл знает. Самому не раз приходилось на лавке ночевать. Потом месяц рёбра ноют. Дворник положил газету на чемодан. И тут взгляд его привлекла фотография седого мужчины с печальными глазами и аккуратной бородкой на первой странице. «Чай-ков-ский», – по слогам прочитал Кирилл и удовлетворённо крикнул. Знакомая фамилия. Вчера по телевизору в новостях говорили про него, что музыку любил больше всего на свете и даже сам сочинял. Достойный человек, значит. Кирилл тоже музыку любит и подобрать умеет песню на гитаре. Только сейчас ему надо деньги зарабатывать, а то дома кушать нечего будет. А музыка – это хорошо. Она жить помогает.

Так, разговаривая с самим собой и перебивая себя же народными мотивами «Чину-чина» и «Бухороча», Кирилл не спеша подчищал дорожки Тверского бульвара. До открытия метро оставалось полчаса. И тогда хлынет народ.

* * *

В то время, когда первые пассажиры заспешили по эскалаторам столичной подземки, в доме на тихой улице центра старой Москвы прозвенел звонок. Нет, не радостная трель будильника от «Первого часового завода» и не победная – от завода «Слава». Подобные простачки не прижились бы у продвинутой хозяйки элитной квартиры с «евроремонтom». Здесь всё согласно её вкусу – дорого и гламурно. Юлия открыла глаза и нажала изящным пальчиком кнопку навороченного мобильного. Назойливая мелодия оборвалась. Телефон подмигнул хозяйке сонным зелёным глазом и погрузился в дремоту. Так рано хозяйке не звонят. Разве что разбушевавшийся вчера супруг? Интересно, где он ночевал? Ведь ему сегодня играть на очередном туре музыкального конкурса.

Юлия тоскливо поглядела в натяжной потолок, вспоминая вчерашний вечер. Невидимый обруч давил на виски и затылок. Молодая женщина сидела неподвижно, приняв «позу лотоса» и обхватив красивыми руками голову. Тупо рассматривала чёрный лак на ногах и думала о том, что хваленая педикюрша так и не избавила её от мозоли на мизинце. В чём сегодня идти на заключительные слушания конкурса в консерваторию? И всё эти проклятые босоножки. Влад

привёз их из Техаса, как раз ко дню её рождения, со стразами Сваровски, как она хотела. Но это же мужчина! Он даже не подумал, что размеры обуви там и здесь – не одно и то же. Стоило раз наведаться в них в ресторан, и нога растёрта до крови. Теперь эти туфельки для Золушки превратились в «испанский сапожок».

Так, впрочем, и супружество с Владом. Не хочется даже думать об этом. Юлия сползла с шёлковой простыни, набросила лёгкий халатик, отыскала под кроватью атласные тапочки. «Юлия!» – беззвучно поприветствовали они хозяйку вышитыми буквами, и она направилась в ванную. Свет, отражённый от итальянской плитки, слепил глаза. Красотка попыталась прогнать сон холодной водой. Посмотрела на себя в зеркало: опять синие круги под глазами. Конечно, такой вечер, как вчера, не может не оставить синяков. Зеркало укоризненно блеснуло серебристой надписью по овальному краю: «Юлия!»

Она начала раздражаться. А ведь эти мелочи всегда поднимали ей настроение: «Всё для тебя! Ты этого достойна!» После вчерашнего вечера даже любимые предметы не радуют. Не надо было спешить, пожила бы у мамы в особняке в Канаде, отдохнула бы после утомительных концертов. А она неслась, как дура, на его зов: «Юлечка, ты мой талисман! С тобой мне никакие конкуренты не страшны. Гран-при будет моим, вот увидишь!» Правильно мама говорит: надо думать о себе. Юлия поплелась на кухню – заварить кофе, выкурить сигарету. Глядишь, жизнь станет веселее.

* * *

Одновременно с хозяйкой квартиры в центре Москвы начал свой день нездорово располневший дачник. Обитателя большого старого деревянного дома в престижном Подмоскowie дела заставили встать в непривычно раннее время.

В китайских шлёпанцах, старом махровом халате он прошествовал во двор, там умылся под алюминиевым ручком над проржавевшей эмалированной раковиной. Затем неторопливо пересёк двор, заросший одуванчиками и цветущим клевером, повисел на перекладине между двумя дубовыми столбами, врытыми ещё дедом. Потом пружинисто приземлился и уже почти с азартом пнул лежавший в траве футбольный мяч. И направился на кухню. Растворимый кофе в кружку – на скорую руку, кипятком из электрического чайника.

Подхватив кружку, вышел на крыльцо, сел на ступеньки, закурил сигарету. И стал наблюдать за игрой солнечных лучей на стволах сосен за забором. Так играют лучи софитов на площадках музыкального шоу-бизнеса, будоража и провоцируя выброс адреналина.

Несколько минут сидел расслабленно, подставив солнцу лицо. Прикрыв глаза, слушал, как шепчутся деревья и перебивают друг друга бойкими трелями птицы. Зелёно-красные орнаменты и расплывающиеся радужные пятна пульсировали и уносились в чёрный космос под закрытыми веками – фантомы яркого солнца и контрастной зелени. Всё это, если хорошенько подумать, пригодится на будущее – и птички, и фантомы. Но сейчас дела поважнее.

Дачник затушил окурок в консервной банке тут же на ступеньках. Потом с трудом, но решительно поднялся. На ходу допивая остывший кофе, зашёл в дом. Через несколько минут вновь появился на покосившемся крыльце. Теперь уже в светлом льняном костюме, индивидуальный крой которого скрадывал полноту. Длинные тёмные волосы эффектно развевались под тёплым ветерком.

Отперев дверь старого сарая, оборудованного под комфортабельный гараж, дородный господин сел за руль белой шикарной иномарки и выехал к дощатым воротам участка. Вышел, проверил и запер все двери и, удовлетворённо взглянув на старый дом за облезлым штакетником, поехал просёлочной дорогой к шоссе на Москву. Надо было спешить, чтобы не оказаться в пробке.

Настала очередь второй сигареты. Закурив, владелец крутой тачки набрал номер на мобильнике:

– Тимыч, привет! Ну, вы там как, собрались? Кофе пьёте? Понятно. Я? В дороге. Угу. Нет, пока свободно. Да рано ж ещё, на часы погляди. В десять. Не знаю, у меня нет программы. Ладно. Может быть. Пока. Привет Танюше.

Танюша, допивая на ходу кофе, бросала указания няне: как подогреть Даше детское питание и чем кормить Петю, когда проснётся. Она носилась в модных брюках по квартире, пытаясь отыскать свою косметичку. Конечно, опять Петя копался в сумке и куда-то её утащил. Ему губная помада – вместо карандаша! Ну, точно, вот они, палочки-крючки на листке бумаги, а вот пустой тюбик от «Буржуа».

– Тань, тебе привет от Лёнечки. Он уже в дороге. А мы всё собираемся. Ты ещё даже не одета.

– От Лёнечки? Он что, тоже там будет? – Таня натянула ажурный топ и выхватила из шкафа лёгкий пиджак: день обещают жаркий, но погода в Москве так переменчива.

– Ну да. Ему Кречетов позарез нужен. А если не Кречетов, то хотя бы тень Кречетова. Короче, сейчас не до этого. Сейчас надо Владика всю дорогу ругать.

* * *

В это же время к Павелецкому вокзалу шёл фирменный поезд Светловодск – Москва. До прибытия оставалось около часа. В стаканах тонкого стекла позвякивали ложки. На подстаканниках рельефно вырисовывался выпуклый вензель «ЮВЖД»: Юго-Восточная железная дорога.

Девочка Аля ждала, пока чай остынет. Зимой ей исполнилось двенадцать лет. Хорошо сложенная, с прямым взглядом карих тёплых глаз, с роскошной тёмной косой, Аля была ребёнком беспроблемным для всех, кто имел с ней дело. Кроме разве что учительницы по математике. Ту всегда выводило из себя, что контрольные Аля решала быстрее всех, а оставшееся время выстукивала на столе только ей понятные музыкальные ритмы.

Окружающий мир был для Али прост. Она всему происходящему по наитию находила объяснение. Её жизнь, сколько она себя помнила, выстраивалась вокруг музыки. Это было так же естественно, как дышать, двигаться, любить родителей. Сейчас они ехали на знаменитый конкурс пианистов. Аля вырастет и обязательно сама будет играть на таком же.

Вета, её мама, освобождала бутерброды из салфеточных обёрток и раскладывала по четырём углам столика, каждый на отдельную салфетку. Она относилась к тому типу женщин, про которых говорят «вечная девчонка». Лёгкая фигурка, задорный блеск глаз, мелодичный звонкий голос. Вете помогал её супруг, папа Али – Михаил. Добродушный, с умными глазами и надёжностью в осанке.

Четвёртым в купе был Шахов, старый интеллигент, директор светловодской музыкальной школы для одарённых детей, где училась Аля. Пока Шахов умывался, Михаил, пользуясь моментом, собрал в кучу постельное бельё, освобождая посадочные места за столиком.

– Столица встречает нас хорошей погодой! День будет тёплым, если не жарким! – Шахов возник в проёме купе, перегородив его донкихотским ростом. – О, да у нас есть чем пожить!

Он присел поближе к столику (пригибаясь, чтобы не стукнуться головой о верхнюю полку), потёр руки в предвкушении завтрака. Настроение у директора было приподнятое. Наконец ему удалось вырваться из круга бесконечных дел, и как вовремя! Сегодня у пианистов финал. Он-то знает, что это такое, ведь в его молодости тоже был конкурс Чайковского, только играл он на скрипке. Давно это было. Среди учеников его школы тоже есть лауреаты конкур-

сов. Теперь эта девочка появилась, с талантом особенным, некликливым, такая сама вряд ли пробьётся. Надо ей учителя сосватать в столице: глядишь, найдётся кто-то среди пианистов, кто заинтересуется.

Аля оторвалась от медитирования над подстаканником:

– Доброе утро, Владимир Данилович! Как вы быстро! Там что, даже очереди нет? Мне вот всегда везёт на очередь.

Вета переставила чашку ближе к Шахову:

– Владимир Данилович, ваш кофе.

– Спасибо, дорогая Виолетта Сергеевна, – Шахов кивнул в знак благодарности, взял чашку и посмотрел на Алю:

– Аля, я пью, чтобы на твоём жизненном пути всегда был зелёный свет и никаких очередей! – он шутливо чокнулся чашкой со стаканом Михаила. Тонкое стекло стакана не выдержало удара, стакан дал трещину, капли чая расплылись по салфетке.

– Это на счастье! – нашёлся Шахов. – Простите, Михаил, оставил вас без чая. Сейчас мы это исправим, – он попытался выбраться из-за стола, но Михаил остановил его:

– Не беспокойтесь! Я сам всё устрою да заодно отнесу постель.

За окном уже пробежали микрорайоны столицы.

Глава 1. Провал

Вета влетела в фойе Большого зала консерватории; перепрыгивая через ступеньки лестницы, взбежала наверх. Конечно, если пустят, то разве что на балкон. Она вспомнила, как, когда Миша учился в ординатуре, они с ещё не родившейся Алей ныряли сюда на концерты по абонементу. Хорошие были времена. Может, поэтому Альку так тянет к музыке.

– Дамочка, дамочка! Вы куда? – очкастая зрительница возникла неожиданно, будто из тех дальних времён. – Подождите, пока музыкант доиграет, немного осталось.

Блюстительница порядка решительно перегородила вход на балкон. Вета не обиделась. Сама виновата, опоздала, – не надо было в парикмахерскую заходить. Всё равно от причёски ничего не осталось – неслась как угорелая. Теперь вот и Мишу с Алей – где искать? Где-то ж ещё и Шахов должен быть... Вета прислушалась: кто-то шпарил финал Первого концерта Чайковского.

– Это тот играет, кто на первую премию идёт? – раздосадованно спросила она: неужели пропустила главного претендента?

– Нет, что вы! Это девушка из Японии, вот, посмотрите, – дежурная раскрыла перед посетительницей программу слушаний. – Вы про Кречетова спрашиваете? – она понимающе посмотрела поверх очков и улыбнулась. – Он как раз следующий.

За дверями балкона убедительно прозвучали финальные аккорды. Под аплодисменты публики Вета скользнула в темноту зала и поискала глазами свободное место. Задев чьи-то колени, извиняясь направо и налево, пробралась и села. Вгляделась в сумрак партера, пытаясь отыскать Алю и Мишу. Но тут голос ведущего объявил: «Владислав Кречетов. Россия». «Ладно, в перерыве найду», – успокоила себя она. И переключилась на сцену. Всё-таки она успела – о фаворите этого конкурса столько говорят и пишут!

Конкурсант шёл через сцену к роялю спокойно и уверенно. Вета с любопытством его рассматривала. Интересный! Высокий, волосы русые... Костюм что надо, сидит на стройной фигуре артиста безупречно... «Бабочка»... белая... «Да ещё с перламутровым отливом, гляди ж ты... – всматривалась Вета в подробности. – Подбородок, правда, мелковат, признак слабой воли, говорят... Да ладно, это уже частности. Лет ему... тридцатник точно есть, а может, и больше. И выглядит каким-то уставшим».

Пианист поприветствовал дирижёра и первую скрипку, секунду постоял возле рояля, выпрямившись во весь рост, будто для того, чтобы дать рассмотреть себя получше, а может, чтобы освоиться на сцене. Поклонился, глядя в последние ряды и на балкон с блуждающей полуулыбкой. Вете даже показалось, что смотрит он прямо на неё, и она невольно смутилась, но тут же удивилась собственной глупости. Пианист не спеша развернулся к роялю, подкрутил ножки банкетки до нужной высоты, удобно устроился. Достал из бокового кармана пиджака большой белый носовой платок, встряхнул – так поступает фокусник, прежде чем обнаружить плоды чародейства, – протёр широким движением клавиши, потом руки и, скомкав, как листок бумаги, положил слева от себя на рояль. Кивнул дирижёру. Дирижёр отвесил лёгкий поклон публике, повернулся к оркестру и взмахнул палочкой.

Солист сидел отрешённо за роялем, словно не было зала, наполненного публикой, не было оркестра – только льющаяся откуда-то с высоты музыка вступления. В какой-то момент он уловил нужную струю, коротким взмахом поднял руки над клавиатурой и точным движением опустил на клавиши. Будто вспыхнула молния – прозвучал первый аккорд Первого концерта Чайковского. От пианиста в зал хлынули потоки энергии. Колкие мурашки забегали по рукам Веты. Улыбка и грусть сменялись на её лице...

В зале царил напряжённая тишина. Поклонники Кречетова готовились торжествовать победу: всё шло блестяще, как и следовало ожидать. Профессионализм пианиста безупречен.

Оппоненты изводились завистью – придраться не к чему. Этот конкурсант – бог за роялем. Кажется, для него нет трудностей в исполнении, словно он с роялем родился. Может быть, так играл гениальный Лист.

Вета, увлѣвшись, не замечала ничего вокруг. Между тем за ней наблюдали. Если бы она оглянулась, то увидела бы колоритного брюнета лет тридцати с небольшим, в модном льняном костюме. Габаритами он напоминал популярного некогда певца Демиса Руссо. Его тщательно уложенные волосы, ухоженное лицо и руки наводили на мысль о нетрадиционной ориентации. Это Лѣнечка, Леонид Беленький, Лѣнька – друг детства и сокурсник Владислава Кречетова по консерватории. Лѣнечка не относился ни к поклонникам, ни к оппозиции. Здесь были свои интересы. Ему надо было отловить Влада, чтобы сделать тому предложение. Не то, о котором вы сейчас подумали, а деловое.

Беленький не видел Кречетова почти десять лет. Тот, как слинял от армии после второго курса, так словно сквозь землю провалился. Говорят, выиграл грант и учился в Кливленде. Говорят, взял все мыслимые и немыслимые премии на конкурсах в Европе и Америке. Говорят, в деньгах купается. И жена у него из звѣздного семейства. Какие же черти его сюда принесли? Наслаждался бы дальше успешностью. Не всем такое выпадает. Только гад он, потому что бросил Катю Латышеву, скрипачку с их курса. Все знали, какая у них любовь. И вдруг – на тебе. Исчез и не оставил никаких координат. Теперь этот зазнайка здесь, а ему, Лѣне, даже не позвонил, будто номера не знает. Конечно, смотри, какой крутой, костюмчик от Версаче. А играет!.. играет вообще как сам дьявол!

Такие или приблизительно такие мысли вертелись в голове Беленького, пока он на балконе ждал, когда Кречетов отыграет свой концерт. Без дураков, рядом с Владом на этом конкурсе поставить некого. Вон он что вытворяет!

Лѣнечка рассматривал присутствующих в зале. Отсюда, с высоты, он определял знакомых по затылкам. Таковых было много. Вся консерваторская братия. Самые ушлые с их курса за границу махнули, осели там. Другие здесь к профессорам приткнулись – до седых волос будут в ассистентах тухнуть. Профессора из консы – так они между собой называли консерваторию – на заслуженный отдых не уходят, только прямым в могилу. Вот тогда вакансия освобождается.

Беленький увидел до боли знакомый затылок Тимоши – Тимофея Ипполитова. Детский такой, пушистый затылочек. Леонид ещё в школе на этот затылок наглядился – Тимофей впереди сидел. Он всегда хороший мальчик был, уважительный. Профессорша в консерватории ему благоволила. Тимоше повезло, он быстро продвинулся на должность доцента. Ему семью кормить надо. Танька – вон она рядом, с короткой стрижкой, как пятнадцать лет назад. Тимохе недавно дочку родила. А ещё пацан у них под стол ходит. Всё по конкурсам разъезжали, теперь навѣрставают упущенное. И не надоели друг другу! Вот тебе школьная любовь.

Лѣнечка продолжил своё «путешествие» по зрительному залу – перебежал глазами на витиеватую причѣску. «Ах ты, чѣрт!» Стерва, которая снится ему в ночных кошмарах! Сватиха невинных мальчиков. Никто-никто не знает об этом, кроме самих мальчиков. Он с удушающей тоской и накатывающей от неприятных воспоминаний тошнотой перевёл взгляд на членов жюри и нашёл маленькую фигурку с седым лысоватым затылком. Профессор Добрышев. Их с Владом общий преподаватель. Классный, неподражаемый пианист. Хороший человек. Редкость для сегодняшней консы. Да, не надо, чтобы он узнал, чем его ученик Леонид Беленький деньги зарабатывает. Расстроится, а то ещё, не дай бог, переволнуется да сыграет в ящик – это ж старая гвардия. Преданность делу и прочее. Классическая музыка для него царь и бог. Святое, короче. Он просто не поверил бы, что пианист, его ученик, способен на такое. Лѣня вновь переключился на соседку слева в переднем ряду. Милая особа. Ишь, как её Кречетов очаровал! Сидит, не шелохнѣтся. Глаз с Владика не сводит. Ещё бы! Он того стоит, чтоб

на него любоваться. Лёничка испытал гордость за свою сметливость: не зря пришёл, ведь ему нужен именно Владик. Чтоб вот так очаровывал, только чтобы его, беленьковскую, публику.

Последние отголоски второй части концерта растворились где-то в глубине сцены. Прощелестели по залу вздохи умиления, кашель завистливой досады, пробежались по рядам шепотки на цыпочках, прошуршало бумагами жюри. Цунами третьей части концерта обрушилось и подхватило сидящих в зале. Не утонуть было невозможно: напор мятущихся чувств великого композитора вовлёл слушателей в гигантскую вселенскую воронку. Поток музыки затопил зал и бился в стены, как невидимые морские волны. Кружилась в феерическом водовороте музыкальных гармоний Аля, уцепившись за рукав папиной джинсовой рубашки. Гигантское течение чувств подхватило и унесло из реальности романтического Михаила. Где-то у берегов своей молодости переживал волнение директор Шахов. Песчинкой в вихре звуков ощущала себя Вета. И только Леонид Беленький с пика недосыгаемости отстранённо наблюдал за происходящим в зале.

И вот, когда волшебство гармоний и мастерство таланта пианиста близки были к точке апогея, произошло Что-то. Это Что-то было невидимым и страшным. Таким страшным, что тишина в зале вдруг стала мёртвой, как в склепе, тяжёлой и душной. Онемение сковало и поклонников Кречетова, и оппонентов, отчего картина в зале напомнила Лёничке момент детской игры «Море волнуется раз, море волнуется два», когда на счёт «три» играющие превращаются в каменные изваяния. Позы бывают до того нелепы – обхохочешься. Так и сейчас: зал представлял собой музейное собрание истуканов. Странно смотреть: как по команде слушатели открыли рты и выпучили глаза, – ну точно человекообразные рыбы.

Внезапность произошедшего парализовала зал на несколько секунд. Потом отпустило. Сквозь возникший хаос перешёптываний, ахов и покашливаний пробивались возгласы: «Ах, как жалко, как жалко!» Мужчины чесали подбородки, женщины прикладывали платочки к глазам. Какие-то молодые люди торопливо покидали зал, на ходу включая мобильники. Профессор Добрышев покачивал головой из стороны в сторону, как китайский болванчик-будда слоновой кости из Лёниного детства. Тимычева Танька заламывала руки. Тимофей успокаивал её, поглаживая по плечу. Милая особа, прихлопнув невольный вскрик ладошкой, так и сидела не шелохнувшись, как припечатанная. Не находил, да и не мог найти Леонид жену Влада, потому что понятия не имел, как она выглядит, эта звёздная жена, но мысль о ней в его голове всё-таки промелькнула: ей-то всё это как? Не она ли – та девушка? Вскочила как ошпаренная с первого ряда. Несётся к выходу. Каблучища стучат, как набат. Не то рыдает она, не то хохочет в истерике?

Пока вёл наблюдения ироничный Лёничка, Аля дёргала папу и задавала в пятнадцатый раз один и тот же вопрос, как заводная говорящая кукла: «Что с ним, папа?! Что с ним?!» Михаил откинулся на спинку кресла, сцепил пальцы в замок и просто ждал финала, поскольку изменить уже ничего было нельзя. Точно так же думал и Леонид, и все-все в зале. Только Лёня не убивался, как половина присутствующих, и не злорадствовал, как другая половина. Он радовался, тихо и светло: теперь у него, кого ещё никто не знал как композитора-экспериментатора Беленького, всё будет лучше прежнего. В отличие от Михаила, он не стал ждать формального финала, а просочился через двери балкона в фойе и спустился к выходу. Ему были известны повадки друга: в поражении ему не мил белый свет, и сейчас тот постарается исчезнуть. Вот тут он и подкараулит свою добычу.

Теперь, когда охотник притаился на перехвате, самое время ответить на вопрос: что с ним, с абсолютным претендентом на главную премию? Что случилось, от чего всех свело в конвульсиях?

В тот момент, когда гармонии музыки и мастерство таланта исполнителя сошлись в зените и чаемый триумф уже подмигнул пианисту по-свойски с вождя Олимпа, в сознании Кречетова произошло короткое замыкание. Мгновенная вспышка разорвала цепь музы-

кальных образов, и звуковое полотно третьей части концерта стало расплываться на странные звуко сочетания. Кречетов почувствовал, что вылетел из пилотского кресла и несётся вне корабля в заполненной звуками Вселенной. Похожие ощущения мог бы испытывать машинист в рубке скоростного экспресса, сошедшего с рельсов, – он летит в никуда, подчиняясь силе инерции. Кречетов видел руки, скользившие по роялю, но чьи это руки?! Они играли совсем не то, что играл оркестр и что слышал Кречетов внутри себя. Пальцы не подчинялись ему, он их никак не ощущал, хотя не могли быть ничьими, кроме его собственных. Как во сне, он видел эти руки, которые отделились от тела и продолжали играть что-то своё, а его сознание плыло в пространстве, словно в замедленной съёмке, не имея над руками и телом власти.

Зал же наполняли неприятные, чуждые созвучия, царапающие слух искусённых ценителей, знающих Первый концерт Чайковского до последней ноты. Странные звуки сыпались из-под пальцев пианиста, сбивались в комки грязи и безжалостно портили прозрачную ткань гениального сочинения. Слушатели оглядывались на соседей, желая убедиться, что это только почудилось. Увы! Лица соседей тоже были искажены гримасой. Спустя несколько мгновений до всех окончательно дошло, что пианист играет не то, что написано в партитуре. Окончательно очнувшись от гипнотического сна солнечных гармоний, слушатели застыли, осознавая чудовищность происходящего.

Члены жюри, в свою очередь, услышали собственными ушами, что в заключительном разделе третьей части концерта конкурсант играет не тот текст. Солист вёл себя при этом более чем странно. Он вдохновенно близился к финалу как ни в чём не бывало! Но так только казалось. Просто Кречетов был великий артист. На самом деле, как только он очнулся от выверта сознания, мысль, прострелившая взбудораженный мозг, была: «Провал! Это – провал!» Вскипевшая злость на себя и на весь мир охватила его, но она же заставила его играть дальше – яростно и неудержимо, как стихия. «Я всё равно доиграю этот проклятый концерт!» – скрипел он зубами. И выбивал из рояля оглушительные аккорды финала, приговаривая: «Нате вам! Нате! Нате!!!» Когда-то очень давно его учили, что лучше оставить плохое впечатление, чем не оставить никакого. Надо же – совет пригодился! «Вот вам ещё!!!» – крушил рояль взбешённый артист. Через несколько минут всё было кончено. Рывком он сбросил руки с рояля и стремительно выбежал за кулисы. Шум аплодисментов смешался с пронзительным свистом. «Что ж! – огрызнулся Кречетов, сжимая кулаки. – Зато запомнят!»

Только за кулисами до него окончательно дошло, что произошло. Катастрофа, гибель всех надежд... Он на секунду остановился в нерешительности, не зная, куда себя деть. Какие-то люди бросились было ему навстречу, но вид его, наверное, их испугал, потому что они отступили, освобождая проход. Он не помнил, как очутился в каком-то тёмном углу за сценой, зато помнил, как методично бился головой о холодную бетонную стену. Будто это могло ему помочь. Как колотил по стене кулаками. Как хотел боли, много боли, много нестерпимой боли. Но боли не чувствовал. И осознание краха всей жизни разрывало его изнутри. «Провал!!! Позор! Ч-чёрт! Что это было?! Все планы! Всё к чёртовой матери!» Это конец, конец карьеры, конец всему, о чём он мечтал. Злость перемежалась с отчаянием, противная влага застилала глаза. Он оглянулся: не наблюдает ли кто за ним? И, воспользовавшись тем, что все отвлеклись, слушая выступление очередного конкурсанта, устремился к лестнице, чтобы поскорее покинуть это злосчастное место. А там... Неважно что – верёвка или горсть таблеток...

Но не тут-то было.

– Господин Кречетов! Господин Кречетов! Можно вам задать несколько вопросов? – множество людей с видеокамерами и фотоаппаратами, перекрикивая и перебивая друг друга, хлынули на пианиста.

Наскакивал шупленький, с проплешинами на сухонькой голове морщинистый человечек с микрофоном в волосатой руке. Другой рукой он активно отталкивал напористую крашеную блондинку в джинсах в утяжку и лаковых туфлях на шпильках:

– Владислав! Вы только что попутали все карты жюри! Несколько вопросов к вам как экс-претенденту на первую премию! Скажите, что с вами случилось? Вы можете объяснить? Это так загадочно! Ведь на втором туре вы никому не оставили шансов! И вдруг!..

– Скажите, какой расклад вы видите теперь, когда вмешались потусторонние силы и вы сброшены с Олимпа единственного претендента на высшую награду? – шепелявил долговязый шатен с проволочными кудрями, в очках с чёрной оправой и линзами, толстыми, как бутылочное доньшко. Он пришлёпывал толстыми губами, разбрызгивая слюну, и подсовывал видеокамеру прямо под нос Кречетову.

Кречетову хотелось плюнуть долговязому в морду и послать его подальше. Но... он натянул дежурную улыбку. Он должен быть в образе!

– Как с позиций российского музыканта, сделавшего карьеру за границей, вы можете оценить уровень престижа конкурса Чайковского? Что вас, успешного за рубежом пианиста, лауреата солидных международных конкурсов, заставило принять участие в московском? Добиться признания властей? Испытать себя ещё раз? – седоволосая дама с ярким макияжем куклы Барби пробивалась сквозь толпу обступивших Кречетова плотным кольцом корреспондентов.

– Ваше поражение – ваша победа! Что вы намерены делать, господин Кречетов? Планируете ли вы взять реванш на следующем конкурсе?..

Момент, когда можно было исчезнуть, упущен.

Он в ловушке дотошных газетчиков и телевизионщиков. «Помирать – так с музыкой!» Пришлось удовлетворить любопытство журналистов.

На следующий день газеты новой России перебивали друг друга в подробностях несуразного происшествия, случившегося у пианистов на заключительном туре конкурса, открывшего миру Вэна Клайберна, Владимира Ашкенази, Барри Дугласа. Красной нитью через газетные статьи сквозила мысль: «мальчик», несомненно, был, имел предпосылки к открытию, как свидетельствуют очевидцы, но злой рок или ирония судьбы не позволили «мальчику» стать триумфом и гордостью конкурса Чайковского. Толковали и о самом конкурсе, о его пошатнувшемся престиже.

Оказалось, что и членам жюри конкурса пришлось не сладко: не давать же лауреатство за правильно сыгранные ноты? Яркое дарование Кречетова сделало его единственным и бесспорным претендентом на высочайшую награду этого тяжелейшего музыкального соревнования – каторжного марафона. Но роковая случайность сыграла с ним злую шутку. По правилам он выбывает из списков не только кандидатов на Гран-при, но и лауреатов. И кому отдавать главную премию? Да просто некому! Уж если честно, кто-то играл чистенько, но без божьей искры, кто-то «мял мешки с картошкой», разбивая фортепиано силовыми приёмами, а кто-то утомлял своей правильной бездушной игрой нот, а не музыки, как утомляет бухгалтерский отчёт...

Известный корреспондент авторитетной газеты иронично замечал, что после развала Союза всё в этой стране шатко и неустойчиво. В частности, конкурс Чайковского, когда-то привлекавший блеском и пугавший сложностью, потускнел, как старый медный чайник, и превратился в арену музыкальных соревнований, чем-то схожих с гладиаторскими боями.

Влиятельный профессор из жюри конкурса посетовал в интервью, что в новой России замучились искать национальную идею, а почему бы не возвести в статус национальной гордости этот самый конкурс Чайковского? Почему бы нашему Президенту не взять его под свой личный патронаж? Вот бы и задали тон – и мировому сообществу, и молодому своему поколению. Разве это не то, что нужно сейчас нашему большому социуму? В продвинутых странах такое покровительство классической музыке – дело высшего престижа.

Другой, не менее уважаемый Маэстро поведал корреспонденту тайны влияния звуков на сознание людей:

– Музыка родилась одновременно с творением мира, – повторил он слова древних, – вселенная звучит. Но слух человека не улавливает небесных звучаний. Их воспроизводит музыка, в ней отражение космической гармонии. Те, кто наделён способностями улавливать её в потоке хаотичных звуков, владеют тайной музыкальных заклинаний. А заклинания эти обладают огромной силой.

Маэстро закончил интервью словами:

– Музыка может вылечить. Недаром фараоны создавали оркестры, чтобы поддерживать хорошее здоровье. А может и убить. Все слышали про казнь барабанной дробью. У классической музыки особенная власть – даже если человек не любит, но слушает её, коэффициент интеллектуальности, о котором так модно сейчас говорить, у него повышается.

Провал на конкурсе только разжёт любопытство общественности к личности Кречетова. Его ответы в прессе на вопросы досужих корреспондентов потешили любопытных на славу.

«О конкурсах? Их в мире сейчас не перечесть. Поучаствовать в конкурсе стало обычным делом, всё равно что... в казино сходить. Понятно, в каком смысле: играть могут все, кто заплатил взносы. И конкурс Чайковского не исключение. Система оценок жюри – особый разговор. А личные договорённости членов жюри! В результате в финал проходят далеко не те, кого хотелось бы услышать. Что удивляет даже самих членов жюри. Потому на Московский конкурс исполнители из Европы и Америки не стремятся. А молодые музыканты из Юго-Восточной Азии едут, потому что обучаются у наших профессоров – тех, что уехали из страны после распада Союза – и перенимают традиции русской школы».

«Вы спрашиваете про расклад. Знаю одно: после моего выхода из игры результаты конкурса не обойдутся без влияния фирм-производителей роялей. Поставщики роялей заинтересованы, чтобы концертирующие музыканты выбирали именно их марку. Понятно, что и здесь существуют свои правила и методы».

«Чем определяется престиж конкурса? Для исполнителя – удачной музыкальной карьерой. Конкурс Чайковского, как и конкурсы Вэна Клайберна, Королевы Елизаветы в Брюсселе и Шопеновский в Варшаве, – самые престижные в этом смысле в мире. Хотя мне давно уже кажется, что музыкальные конкурсы – как сделка с дьяволом, которую заключила классическая музыка со средствами массовой информации, чтобы избежать забвения. Классику оттесняют агрессивные музыкальные течения, которые могут оплачивать площадки для выступлений. Почему могут? Потому что их музыка – звучание раскрепощённых инстинктов, там заложен код: всё дозволено! Это нравится, за это готовы платить. Особенно если люди не знают альтернативы. Классическую музыку должно поддерживать государство, без неё мы потеряем то, что принято называть гармонично развитой личностью. Или мы хотим быть цивилизацией дегенератов?»

«Поражение? Наверное, так было угодно Богу – дать мне ощутить горечь провала... Друзья считают меня „везунчиком“. Я всегда побеждал, шёл к победе и в этот раз. И вдруг!.. Я приехал, чтобы вернуться в Россию, быть признанным ею. За время моего отсутствия многое изменилось, кто-то забыл обо мне, кто-то вообще не знает. И вот этого признания не случилось».

«Да, за границу уезжают в поисках профессионального успеха, финансовой обеспеченности. Молодые ребята бегут от армии. Я тоже. Чтобы не вывернули руки, это да. А невозможность заниматься? Пианист должен работать за роялем по двенадцать часов в сутки, чтобы что-то сделать в музыке. Ты приносишь себя в жертву творческим достижениям. Жизнь проходит где-то рядом, а ты видишь только клавиши и ноты. Игра на рояле для пианиста подобна поиску нужных слов для поэта. Пианистов много? Пора отстреливать? Воздержусь от комментариев. Выскажу своё мнение: если не будет культуры пианизма, откуда взяться ярким исполнителям? Простой математический подсчёт. Гений рождается один на несколько тысяч. Реа-

лизовать себя может один из ста миллионов. По разным причинам. Сколько из них имеют отношение к музыке? Жалкий мизер. Так что полюбите пианистов».

Но газеты выйдут на другой день. А сегодня Кречетов, отделавшись от настырных журналистов, наскоро переоделся в чёрные джинсы и рубашку, запихнул концертный костюм в чёрный чемодан на колёсиках и сбежал по лестнице, по красной ковровой дорожке, которую помнил ещё со студенчества. В фойе он протиснулся сквозь толпу обиженных меломанов, которым не хватило билетов на конкурсные прослушивания, и рванул к выходу из консерватории, чувствуя многочисленные обжигающие взгляды любопытных, устремлённые ему вслед. Дёрнул двери на выход, выскочил на крыльцо.

– Кречетов!..

От неожиданности он споткнулся. Голос друга детства прозвучал, как выстрел сигнальной ракеты, запущенной из далёкого прошлого.

– Лёнька! Да харэ прятаться, всё равно тебя узнал, ты где?! – Влад покрутился, оглядываясь по сторонам, и наконец увидел друга, который шёл ему навстречу от иномарки и улыбался во всю ширь румяного фейса, обнаруживая тридцать два фарфороподобных зуба, сверкавших белизной немецкой сантехники.

– Ах ты, чёрт! Вот ты какой! – вырвалось у Кречетова.

Лёня же незамедлительно сгрёб Влада в охапку огромными волосатыми ручищами. Кречетов застонал:

– Ну ты, блин, Кинг-Конг! Раздавишь!

– Да ты сам не хилый, я смотрю! Арнольд Шварценеггер, типа. Девки, небось, замучили! Наконец-то поймал я тебя, пропащего! – Леонид отстранил Владислава и, держа обеими руками за плечи, рассматривал его демонстративно с ног до головы.

– Красавчик ты наш! – проговорил он игриво-нежно.

Но Кречетову было не до игр. Он беспокойно озирался:

– Ладно, Лёнь, мне пора, потом когда-нибудь поговорим, не то у меня настроение сейчас. Зарыться куда-нибудь, не видеть, не слышать никого. Побегу я, не хочу, чтобы Юлия меня нашла.

Он попытался обнять друга на прощанье, но наткнулся на его изумление:

– А что случилось?

Владислав обескураженно отшатнулся. Ему казалось, что нет на свете человека, который бы не знал сейчас о его провале.

– Ты что, не знаешь?! Не слышал?! Только подъехал? Я сразу не сообразил... – пианист поморщился, будто у него живот заболел, тоскливо посмотрел на вытекающие из дверей группки возбуждённо переговаривающихся людей. – Короче! Всё к чёртовой матери! Вся моя карьера к чёртовой матери. А сейчас я хочу скрыться!

И дёрнулся, порываясь уйти. Лёничка мягким окутывающим движением захватил Влада и потащил к машине.

– Ну уж нет! Я тебя так долго ждал! Поехали лучше ко мне на дачу, как в прежние времена! Придешь в себя. У меня там хорошо – птички поют! Думаешь, дома тебя не найдут? А так – отключишь мобильник, и отдыхай.

Секунду Кречетов думал. Объясняться он ни с кем не намерен: с Добрышевым потом поговорит, Юлия пусть его поищет, мама... пусть обижается. С решимостью оторваться от всех близких и обязательств он лихо закинул чемодан в багажник и уселся рядом с сияющим Беленьким на переднее сиденье иномарки.

– Поехали!

Глава 2. Гудвин от музыки

Нарядное авто скользило по запруженным разноцветными машинами, распалённым позднейюньским закатным солнцем улицам Москвы. Лёнечка с трудом удерживался от соблазна обойти по встрече ползущие впереди тачки.

– Только бы выбраться из центра, там будет легче, – он вытер вспотевший лоб тыльной стороной ладони, снизил температуру кондиционера. – Ты как, не боишься кондишена? В смысле, простудиться?

– Нормально, – успокоил его Кречетов. – Слушай, а ты неплохой ездок. Я и сам без машины как без рук. Всю Америку на автомобиле исколесил. Вот где дороги!

Владислав изучал изменившийся облик родного города через тонированные стёкла автомобиля.

– Москва стала бестолковая – народу! Машин! Хлама всякого повесили, аж домов не видно. Не реклама – убожество. Названия магазинов дурацкие! «Обжора», например! Я тут зоомагазин увидел, «Бетховен» называется. Чушь!

– Да, вредно народ за границу выпускать! – Лёня усмехнулся. – У народа портится настроение!

– Про настроение. Ты что, правда на слушаньях не был? Точняк к моему выходу приехал? – Влад недоверчиво взглянул на приятеля.

– На балконе сидел, – не счёл нужным далее скрывать правду Леонид. – Всё видел, всё слышал. Играл ты хорошо, без меня знаешь. Куда тебя понесло – не понял, – резко затормозил Беленький, избегая наезда на вынырнувшего неизвестно откуда байкера. – Хочешь знать, что думаю по этому поводу? Прими как неизбежное. Скинь и забудь.

Беленький с ветерком объехал чёрный «БМВ» и показал в зеркало язык.

– Вот так-то.

Влад молчал. Легко говорить Лёньке – он никогда не стремился к карьере концертирующего пианиста. Они учились вместе в музыкальной школе со второго класса и жили у соседних станций метро. Бабушка Влада всегда говорила, что Лёнечка – единственный друг, который никогда не бросит. У Лёньки дед был крупный чин в МВД и, бывало, выручал и внука, и его друзей из не очень красивых подростковых историй. Надо признаться, тогда они часто хулиганили. Один раз напился пива и начали приставать к девушке на улице. Не знали! А она дочка посла республики Лихтенштейн. Пришлось играть концерт в посольстве и приносить извинения по протокольной форме.

Лёнька был любимчик семьи. Он родился, когда его родители надежду на детей потеряли. Мальчишек сблизил футбол. Играли они на поле недалеко от дома Влада. Лёнька приезжал редко, потому что болел. Ангина его мучила. Ни мороженое поест, ни газировки попить. Из-за своих болезней он два года учился в первом классе, а потом догонял друга с домашними учителями.

– Ты чего притих, Кречетов? – машина свернула на объездную дорогу. – Сегодня у нас пятница? То-то не пробьёшься, народ прёт на уик-энд. Ну и чего молчишь?

– Ты мне скажи, Лёнька, что тебя так разнесло? И вправду как Кинг-Конг, я не ошибся... Ты ж худой был всегда и бледный, а тут! Я ж тебя только по голосу и узнал.

– Разнесло так разнесло! – эхом откликнулся Беленький. – Ты уехал, а я загремел в больницу, даже академический пришлось взять. Миокардит свалил. Гланды надо было вовремя вырезать, а предки тянули – полоскания, ингаляции... Дотянули!

– И что это за гадость? – поморщился Влад, разговоры о болезнях всегда наводили на него тоску.

– Миокардит? – переспросил со знанием дела Лёня. – Это воспаление сердечной сумки.

И, заметив удивление друга, усмехнулся:

– Да, вот такой я грамотный стал. Лечили меня, лечили, – и залечили. Хотя лучше, конечно, стало. Можешь представить, консу я с красным дипломом закончил. А это, – Лёня описал головой круг, давая понять, что речь идёт о его фигуре, – а это последствия. Одно лечим, другое – сам знаешь.

– Понятно. Я как раз вспомнил, как ты летом с шарфом на шее гулял, – улыбнулся Кречетов. – А как предки? – перевёл он разговор на другую тему. – Всё так же в типографии?

– Своё дело открыли. Фирму полиграфическую. Этикетки печатают на заказ, – вздохнул Леонид. – Теперь жизнь такая: сам себе режиссёр. Знаешь, в девяностые госпредприятия прихлопнули, специалисты стали никому не нужны, образование вроде как тоже ни к чему!.. Народ в культурном смысле сполз ниже плинтуса, нормальной речи не услышишь. Законы шакальи стали править: кто кого. А кто капиталец сколотил и умотал за границу, оттуда верещит о распроданной России, – Беленький зло нажал на клаксон в ответ на резкое торможение жигулёнка перед светофором. – Вот, обрисовал я тебе обстановочку...

– Понятненько... – задумчиво протянул Кречетов. – А этот... рэнджровер... сам купил или отец отстегнул? – спросил он как бы между прочим.

– Хороший вопрос! Только давай доедем до дому, немножко осталось. Я кое-что тебе расскажу, – пообещал Беленький и повернул на просёлочную дорогу.

Остаток пути Кречетов думал о своём отце, которого видел последний раз перед отъездом в Америку в начале девяностых и больше никогда не увидит. Вспоминал ссоры родителей из-за малых отцовских заработков. А что он мог сделать, математик-теоретик? Страна развалилась и выпихнула на помойку цвет науки. Кто мог – уехал...

Кречетов-старший не мог. Он любил маму Влада, а та привыкла к щедрому покровительству своего отца – генерала КГБ. Сын помнит, как бесился на отца за покладистость и мягкость, как хотел, чтобы он хоть раз стукнул кулаком по столу и остановил закидоны матери, генеральской дочки. Такие жесты были не в его натуре, да и стучать кулаком в квартире тестя было бы для него, интеллигента до мозга костей, чем-то совершенно невозможным. Сменить свою науку на бухгалтерские расчёты в частной лавочке с гвоздями или сигаретами для отца было немыслимо. А мать понесло – её всё не устраивало. Особенно неумение мужа приспособиваться. При этом свои привычки и повышенные запросы она менять не собиралась.

Собственно, из-за скандалов матери он ушёл из дома. Зачем людей унижать?! Как сейчас перед Владом картинка: приходит он с Катей, девушкой своей, однокурсницей-скрипачкой, домой. Хочет с родителями познакомиться. Это как раз в начале второго курса случилось. И что? Мать, не дав отцу даже поздороваться, накинулась на Влада: «Кого ты привёл? Ни звания, ни имени! Тебе карьеру надо делать, а она тебе детей нашлапает, олух!» Этого Влад не стерпел. Развернулся и ушёл, несмотря на причитания выскочившей из кухни на шум бабушки и на оклик отца: «Сын, стой!» Больше до отъезда в Америку он у себя дома не жил. С отцом, дедом и бабушкой общался в отсутствие мамы. Не хотел её видеть.

Тогда он снял квартиру и зарабатывал на её оплату делами, далёкими от музыки, например фарцовкой. Продавал «левые» джинсы фирмы «Левис». А на рояле вкалывал ночами в консерватории. Хорошо, дежурный был знакомый бабушки. Зато это было счастливое время для них с Катей. Пожалуй, самое счастливое для него. А потом... Потом ему пришлось уехать.

– Ну вот. Приехали. Выгружайся, – пропыхтел Лёничка, радостно вываливаясь из машины. – Тащи чемодан в свою комнату!

Владислав вылез из прохладного салона машины, вдохнул тёплый вечерний воздух, насыщенный ароматом хвои старых сосен, и очутился в мальчишеском детстве. Они с Лёнькой приезжали сюда прямо после уроков по субботам. Выпрыгнув из дедушкиной кагэбэшной чёрной «Волги», с ходу включались в игру. Благо футбольный мяч всегда ждал на газоне. На их

азартные крики сбегались местные пацаны. Влад всегда был нападающим. О сонатах и этюдах вспоминать было некогда...

– Что ты там застрял? – Леонид показался на крыльце дома, оттащив чемодан. – Пошли поедем чего-нибудь.

В это время гость мыл руки под алюминиевым умывальником – всё под тем же, что полжизни назад! Хозяин дачи поставил машину в старый дедовский гараж, обшитый листами железа и покрытый шифером.

– Не боишься, что упрут твою красавицу? – спросил Владислав на пороге дома, кивнув на гараж.

– Да ладно! Это он с виду древний, а внутри сигнализация и всякие прибабасы, – отмахнулся Леонид.

– А собаки у тебя нет? Или кошки? – задал следующий вопрос Кречетов, окинув взглядом пустой двор. – И вообще, ты что, один как перст? Неужели это продолжение той давней истории? Ну, с профессоршей... Могу я тебя спросить на правах друга детства?

Владислав с опаской глянул на друга, но того, на удивление, нисколько не смутила такая прямолинейность, он охотно отреагировал:

– Мучить тебя не буду, расскажу всё без утайки, а то ещё умрёшь от любопытства, а это не в моих интересах. Только прежде давай выпьем по чашечке коньячка.

В ответ Кречетов лишь озадаченно хмыкнул.

На кухне наследник дачи достал из дедовского буфета красного дерева гранёную бутылку коньяка и два коньячных бокала в форме тюльпанов. Бутылка была начатая. Он открутил пробку и разлил содержимое по бокалам, наполнив ровно на четверть.

– Иначе будет неважно, правильно ли мы выбрали форму бокала, – повторил ехидно Лёничка слова рекламы из какого-то гламурного журнала о коньячной посуде. Потом открыл холодильник и с гордостью выставил на стол глубокий салатник и тарелку, накрытую салфеткой:

– Вот селёdochка под шубой, сам делал! Сыр, пожалуйста...

Потом подплыл к плите, снял крышку со сковородки и... накрыл, будто вспомнил о чём-то очень важном.

– Слушай, я забыл переодеться, – виновато сказал он, – пойду-ка сниму эти ангельские одежды. Может, тебе тоже дать что-нибудь на сменку? – предложил он гостю.

Тот отрицательно помотал головой:

– Тогда уж сразу в душ и спать. Устал я как чёрт. Я ведь сегодня ночевал на скамейке. Как бомж. Мне кажется, что всё, что сегодня было, – было не со мной.

– На скамейке?! – кустистые чёрные брови Лёни выскочили на лоб. – Ты меня убил, Кречетов. Ты – на скамейке?! Это из разряда невероятного! Может, объяснишь?

– Ты шёл переодеваться, – увернулся герой дня от неприятного вопроса и посмотрел в окно. Начинало темнеть.

Леонид вернулся через пять минут в шортах с оттопыренными карманами и ядовито-жёлтой футболке. Похожий на румяного колобка, довольный и неунывающий. Быстренько разложив по тарелкам аппетитную жареную картошку с яичницей из сковородки, Лёничка бухнулся на стул, взял изящным движением бокал и, пододвинув к Владу салатник с «шубой», сказал торжественно:

– Ну, брат, поехали, за встречу!

– За встречу, – Кречетов пригубил коньяк и поставил бокал на стол. – Знаешь, я стараюсь не увлекаться. Бокал вина, и то редко. Меня алкоголь выбивает из колеи, – он нахмурился. – Хотя что теперь беспокоиться? Поезд сошёл с рельсов, и машинист дисквалифицирован.

– Так уж дисквалифицирован, – принялся утешать школьного товарища Беленький. – Бывает. Не ты один провалил конкурс Чайковского. С тобой-то всё ясно. А сколько наших ски-

дывали после второго тура без объяснений! Тот же Король. Помнишь Лёшку Короля? Он, как ты, после второго курса с гастролей не вернулся, завис в Европе. На прошлом конкурсе только о нём и говорили: «демонический пианист с лицом ребёнка»! Играл так, что от аплодисментов штукатурка в зале с потолка обваливалась. И что? Его назвали вольнодумцем и отстранили от участия в конкурсе. Так что не убивайся. Тебя хоть по живому не резали. Расскажи лучше, какой чёрт тебя дёрнул приехать на «чайник»? На кой он тебе сдался? У тебя и так всё неплохо, верно? А «чайник» нынче – как проходной двор: играют все, кому не лень.

– Домой захотел, Лёнь, – удручённо проговорил Владислав. – Надоела чужая жизнь. Думал, отыграю в Чайковском, и «ноу проблем». Я ведь там побеждал, – Кречетов кивком головы указал на гипотетический Запад, – а думал об этом конкурсе. Хотел обозначиться в своей стране, устроить здесь свою жизнь. Теперь это невозможно: я упустил шанс стать лидером, упустил призовой ангажемент концертов, а это, сам знаешь, известность, востребованность, деньги – всё! Само собой, о повторении говорить не приходится, мне ведь тридцать третий пошёл. Это значит, я выброшен на обочину и буду влачить жалкое существование никому не известного пианиста Кречетова, презренного неудачника. Лузер, одним словом. Надо всё называть своими именами.

Лёня, видя, как приятель всё больше погружается в пучину надвигающейся депрессии, добавил коньяка в бокалы:

– И всё-таки давай выпьем. Для русского человека нет лучшего средства от плохого настроения. Вот увидишь, отляжет и станет легче. Сегодня тебе просто надо выпить!

Не прошло и получаса, как настроение Влада изменилось. Тиски гнетущего чувства позора и безысходности отпустили его, нахлынула острая жалость к самому себе.

– Вот чем встретила меня моя родина! – он размазывал кулаками пьяные слёзы, упиваясь жалостью к самому себе. – Я так скучал! Думал, она мне поможет, а я не нужен ей! Она устроила мне испытания!..

Расслабление длилось около часа, с театральными причитаниями и взываниями к справедливости, что бывает у творческих чутких натур, когда алкоголь ударяет в голову. Постепенно он успокоился и обмяк.

– Юлька! – всколыхнулся Владислав после непродолжительного молчания. – Юлька – это моя жена. Она стерва! – опрокинул он остатки коньяка в рот, со стуком поставил пустой бокал. – Вначале, когда мы познакомились, она мне понравилась. Потом я понял, что у неё уже кто-то есть, и решил, что это не мой вариант. Так она за мной сама бегала. Говорила, что влюбилась и жить без меня не может. А мне что? Я не против, раз так. Если честно, мне с ней везло. И в конкурсах, и на концертах. То ли так совпало. Отбоя от предложений не было, гонорары... У нас было всё: дом в пригороде, у каждого по машине, Юлька платье второй раз не надевала: дарила подружкам. Каждый концерт или конкурс – новое платье. Ну, там, косметика, массажи – это всё мелочи. Я на неё все заработки тратил. Хорошие деньги, между прочим! Да вот беда – всё ей мало! Мало! – Владислав побагровел. – Обедали мы только в ресторанах. Да там, – он кивнул предположительно в сторону Америки, – там все так: кафе, рестораны. Я вначале не мог привыкнуть. Не хватало борща, огурца солёного. Потом перестроился. Теперь вот жареную картошку кока-колой запиваю.

Владислав усмехнулся, потом продолжил:

– Да, может, ты Юльку помнишь: она в седьмом классе училась, когда мы в консу поступали. Тёмненькая такая. Её мать у нас камерный ансамбль вела. Она ещё в класс на переменах забегала. Потом её в Кливленд увезли доучиваться. А там я... Нас как-то в концерт вместе поставили. Ну а дальше всё само собой.

Кречетов сник и замолчал.

– Пошли покурим, – предложил Леонид, вылезая из-за стола, – а то засиделись. На звёзды посмотрим. Помнишь, как Туманность Андромеды искали?

Поздний вечер набросил на посёлок и близлежащий сосновый бор накидку непроглядной темноты. Друзья сидели на деревянном крыльце, впитавшем тепло ушедшего жаркого дня, и курили, выпуская замысловатые кольца дыма в недвижимый воздух.

– Ты Катю-то не забыл? – наконец выбрал момент Лёня и затушил сигарету в металлической банке.

– Катю? – Влад тоже затушил окурочек и помолчал. – Ей надо было замуж выходить, жизнь устраивать. Мне надо было бежать от армии. С собой взять я её не мог, потому что сам не знал, куда еду. Мне было всего ещё двадцать один, а ей – уже! Мне надо было встать на ноги! Быть первым! Это очень трудно. Мне было не до романов. А потом... потом я просто стал другим, от моей романтики остался только образ, в который я погружаюсь, когда играю Шопена или Рахманинова, – Владислав горько усмехнулся. – Нас развело время, пространство и... обстоятельства. Меня затянула новая жизнь. Катя, как и всё, осталась в другой жизни. Я не мог ей сообщить о себе, боялся её сумасбродства.

– Я так и знал, Кречетов, что ты гад. «Мне!» «Меня!» Везде на первом месте ты! – вспыхнул Леонид. – Эгоистом был, эгоистом и остался. А ты не подумал, что ты просто бросил её, без объяснений, как последний...

– Я думал, что так будет лучше, – Владислав поднялся со ступенек, и в темноте блеснул его отчуждённый взгляд. – Я не мог остаться. Я хотел что-то сделать в музыке.

– «Я!» «Я!» – передразнил Лёня. Потом помолчал и задумчиво произнёс, навалившись на перила крыльца: – Наверное, ты прав, эгоизм есть высшая степень производной таланта. На тебя он свалился. Никому из нас так не повезло. С нашего курса никому больше не удалось так продвинуться, как тебе. Даже Тимка не в счёт. Он всё равно делит себя между семьёй и музыкой. А для тебя музыка всегда на первом месте.

– Не знаю. Как получилось, так получилось. Ты что-то хотел мне рассказать? – напомнил Влад.

– А про Катю не хочешь спросить? – не сдавался Леонид.

– Ну, говори, раз уж начал.

– Катя теперь лицо японской фирмы. Музыкальных инструментов. Кстати, после «чайника». Хотя первую премию она там не получила. Гастролирует по Японии два раза в год. Её там обожают.

– Конечно, одни косы чего стоят, – Владислав открыл дверь в дом, задержался на пороге и ещё раз посмотрел на чистое, тёмного ультрамарина небо с вкраплениями мерцающих звёзд, бесстрастных и равнодушных.

Леонид стоял, развернувшись спиной к перилам и сложив руки на груди. Белки его выпуклых глаз сверкнули голубизной.

– А ещё, Кречетов, она моя жена.

Зависшую ватную тишину через секунду разорвал звонок телефона. Владислав не сразу сообразил, что сигналил его мобильник, «на автомате» двинулся в дом.

– Ну вот, говорил, выключи мобильник! Небось Юлечка соскучилась, – Лёня, ворча, последовал за Владом и с грохотом закрыл дверь на засов. Он давно мог поменять дверь на пуленепробиваемую бронированную и, соответственно, врезать замок какой-нибудь раскрученной итальянской фирмы, но ему нравилось искушать судьбу и быть уверенным в собственной неуязвимости. Дверь, искусно сделанная каким-то краснодеревщиком ещё до его рождения, была раритетом, и именно этим Лёнечку вполне устраивала.

– Да, слушаю. Антон Сергеевич? Да. Здравствуйте. Нет, не поздно. У друга, – отвечал на вопросы Кречетов, присев на широкий подоконник. – Юля? Я ей позвоню. Получше. Нет, температуры нет. Не знаю. Мне надо прийти в себя. Понимаю, Антон Сергеевич. Спасибо, я подумаю. Когда позвонить? Хорошо. Спасибо, Антон Сергеевич. До свидания, – он нажал «отбой», засунул мобильник в карман брюк и пояснил:

– Добрышев беспокоится... Подвёл я его, конечно, капитально. Он думает, я заболел. Предлагает поработать с ним на мастер-классах. Терапия отчаяния, значит, раз концертов не предвидится. У меня ещё остались ангажементы в Латинской Америке года на два и во Франции. И это всё.

– Кстати, не хочешь Кате компанию составить? Она что-то говорила про концертмейстера, – бросил в тему Леонид.

– Ну да, – рассеянно проронил Владислав, – так где же Катя?

– Всё там же, в Японии. Работает над новой программой. Вернётся в конце августа.

– Понятно, – Влад сладко зевнул. – Так что ты хотел мне сказать? – его губы сложились в подобие улыбки. – Никак мы не дойдём до самого главного! И ещё... Беленький! Не знаю, как задать тебе этот вопрос... Ладно. Скажи, Катя... Она... счастлива с тобой? Ведь, насколько помню, к женщинам ты был упорно безразличен с тех пор, как...

Лёня прошёлся по кухне, скрипя половицами, потом произнёс:

– У нас с Катей дружеский союз. Нас обоих это устраивает. Ну, ещё мы заключили брачный договор, чтоб не цапаться, если что. Прописали права и обязанности. Это удобно. Катька – она замечательная, свой парень. Так я её и воспринимаю. И она от меня большего не требует и ни о чём не спрашивает.

Кречетов помолчал, переваривая, потом сказал:

– Ну, что ж, очень рад за вас. Нашли друг друга, как говорится.

– С твоей помощью, Кречетов, – не преминул съязвить Беленький. – Катя... в общем, я её спас, она жить не хотела после вашей истории. Свет ей был не мил, и всё такое.

Леонид замолчал, потом вдруг неожиданно развернул тему разговора:

– Ты вот спросил меня про рэнджровер.

– Ну?

– Я купил его сам.

– Молодец! – Кречетову потребовалось несколько секунд, чтобы перестроиться. Наконец он вяло проговорил:

– Интересно, чем ты зарабатываешь? Прости, об этом не принято спрашивать, но ты сам начал.

– Музыкой, Кречетов, музыкой! Только не твоей нищенской классикой. Моя музыка собирает стадионы. Народ хочет отрываться, и я предлагаю кайф.

Лёничка очередной раз обошёл вокруг стола, поглядывая на дружка. Тот не сводил с новоявленного композитора изучающего взгляда.

– Замечательно. И что же это за музыка?

– Музыка для масс. Что-нибудь слышал о гранже, альтернативном мэталле, психоделическом транс-е? Нью-метал? У тебя в Америке «Корны» сводили всех с ума. Неужели не слышал? А вот в Японии и у нас в мейнстриме фулл-он. А я создал свою, особенную, музыку, собрал в ней всё самое притягательное из музыкальных течений, и у меня пошло! Народ ломится и тащится.

Секунду длилась немая сцена.

– Вот это да! – с деланным восхищением воскликнул Кречетов. Он закинул ногу на ногу и покачал носком туфли. Одно дело – джазовые импровизации раскованного Лёнички в элитных ночных клубах, но чтобы музыка для масс!

– Вот это да! – повторил Влад.

– Ты думаешь, в этой стране можно прожить на зарплату пианиста? – восторженно воскликнул Беленький. – Умоляю! Я тебя не зря спросил, зачем ты сюда припёрся. Знаешь, какие гонорары у нормального музыканта в нормальной провинциальной филармонии? Вот Тимофей, например, лауреат нехилых конкурсов, уже три года сидит без концертов в родной столице. Играл недавно не то в Курске, не то в Орле. Месяц вкалывал, приклеенный к роялю, а получил

кукушкины слёзки. Оханья и аханья вокруг рояля ушли в прошлое. Кто хочет слушать классику, у того денег нет, а у кого деньги есть, тот хочет балдеть и ни о чём не думать. Жизнь у нас такая, не до высоких материй.

– Круто! Значит, вот ваши нравы, а вот вам наша музыка! Жрите, не стесняйтесь! Так, Беленький?! Идёшь на поводу вкусов, значит, – вскинулся Кречетов. – А призвание пианиста...

– Пробуждать красивое, доброе, вечное, – закончил, патетично паясничая, Лёничка.

– Именно так, Беленький! – горячился Владислав. – Воспитывать музыкальный вкус...

Тирада праведника закончилась довольно быстро:

– Короче, что от меня-то надо?

– Моя музыка – классная вещь! – запальчиво заговорил новомодный творец. – Я ведь не с бухты-барухты её писал. Всё по науке! Ну, ты знаешь, музыку обычно пишут, вслушиваясь в себя. А я... Я построил музыку по математическим законам. Я вычислил воздействие звука на сознание. И теперь умею им управлять при помощи своей музыки. Ты помнишь, мы читали дневники твоего деда? Там было много непонятного – формулы, расчёты... Нам тогда это было неинтересно, потому что мы-то надеялись, что найдём там истории про шпионов, – он усмехнулся. – Единственное, что мне запала фраза – «акустическое оружие». И когда пришло время – те записи всплыли у меня в памяти и подтолкнули к действию. Я изучил всё, что касается звука. Теперь могу звуком нагнать полную расслабуху, а могу довести до экстаза, и толпа в одном ритме будет колыхаться, как огромная медуза.

Лёня порозовел от охватившего его воодушевления, в глазах его загорелись демонические огоньки.

– А ты не зарываешься, Беленький? Какое вообще ты имеешь право... к-х-м, – поперхнулся Кречетов от негодования. – Дед не затем писал свои дневники, чтобы такие, как ты...

– Ты слишком правильный, Владик, это не в моде, – тон Лёнички переключился на покровительственный. – Кому нужна твоя правильность? Ты вот дай людям, чего они хотят. А они тебе деньги заплатят. Моя музыка не похожа ни на какую другую и обладает... сверхъестественной силой. Что людям надо? Все хотят чего-то необычного, захватывающего. И я могу это предложить! Вот послушай! – Лёня взял с буфета смартфон, подсоединил тут же лежавшие наушники. – Послушай! Хотя это жалкий отголосок того, что можно почувствовать на живом концерте.

Владислав нехотя подчинился. Им двигало чистое любопытство. Однако то, что он услышал, на удивление, не вызвало у него отторжения. Он погрузился в мир звуков, не связанных, как привычно, общей тональностью или заданным ритмом. Это был блаженный звуковой хаос. Он затягивал в тёмную глубину звучанием отдельных, бесконечно длящихся, не повторяющихся звуков. Звуки плавно перетекали один в другой, как если бы воду переливали из кувшина в кувшин разной формы, и сплетались в абстрактную звуковую картину.

Голова Кречетова превратилась в сферу, заполненную звуками, и всё тело пробирали лёгкие вибрации, вызывающие приятный озноб. Потом он ощутил таяние телесных оболочек и поплыл в окружении сталкивающихся звуков, как часть бесконечной звуковой галактики, в неведомое никуда. Но не успел до конца насладиться парением, как его захватила волна ритмов. Свернулась в спираль огромная галактика, и что-то изнутри заставило его встрепенуться. Он непроизвольно подскочил, стул с грохотом упал. Неизъяснимый восторг переполнял его. Всё неприятное произошло будто не с ним и отодвинулось далеко-далеко.

Влад заметался по кухне во власти музыкальных ритмов, приговаривая: «Ну, Лёнька, сволочь, что вытворяет! Если, конечно, не спёр у кого-то хит, а выдаёт за свой. Высший класс!» Однако разделить эмоции с автором шедевра не удалось – в кухне он был один.

Через какое-то время пульсация ритмов стала красиво затухать, как пламя костра, когда в него перестают бросать ветки, и на смену им откуда-то издалека, исподволь, выползла мелодия, тонкая и извилистая, звенящая и зудящая, раздражающая. Казалось, она распускается гифами

гриба по извилинам мозга, запутывает его причудливой сетью. Потянуло в сон. Кречетов сел за стол и плеснул в бокал коньяку. Напиток мерцал золотистыми искрами. Его захватила игра переливающейся жидкости в бокале, а тело обрело необыкновенную лёгкость.

Всё вокруг поплыло, предметы меняли форму, двигались под разными углами, колыхались, как водоросли. Вырастали до огромных размеров, надвигаясь и пугая, и, наоборот, сжимались до пульсирующей точки, притягивая за собой. Цвета перетекали из жёлтого в фиолетовый и обратно по оттенкам радуги. А потом всё тонуло в бокале. В какой-то момент Кречетов явственно ощутил запах ванили, внезапно заполнивший кухню.

Приятно висеть в пространстве, не чувствуя тела, покачиваясь в такт поворотам струящейся мелодии в окружении ярких цветочных снов.

«Да, я сплю. И мне хорошо!» – промелькнуло в мозгу Владислава, и он провалился в темноту.

Когда проснулся, с трудом возвратился в реальность. За окнами ни зги не видно. Он сидит за столом, на котором разбросана в беспорядке посуда с остатками еды и бокалы, один пустой, другой с недопитым коньяком. Напротив Лёня с аппетитом доедает яичницу.

– Я вырубился, даже запись до конца не дослушал. Зато сон приснился, чистый абстракционизм. Долго я спал?

– Ровно столько, сколько длилась запись. И не сон это был, а... что-то вроде гипноза. Ну и... как ощущения?

Леонид надулся от распиравшей его гордости.

– Улётно! – сознался слегка ошалевший от «эксперимента» Влад. – Даже не представляю, как тебе это удалось. Ты... Гудвин от музыки. Ничего похожего я не слышал. А ощущения!.. Что-то подобное бывает у тех, кто кислотой балуется или марихуаной. Ну, последнее я, предположим, пробовал. А так... даже не знаю, с чем сравнить. Демоническая музыка! Только... теперь вот в голове пусто как-то и звон в ушах, не очень-то приятно, и язык плохо слушается, и металлический привкус во рту... – перечислял Влад. – Я реально хочу спать... И всё же, что от меня-то надо?

Лёня взглянул из-под пучковатых бровей на взъерошенного друга:

– Что ж, пришёл момент сказать всё, – торжественно произнёс он. – Мне клавишник нужен. Позарез. Не хочешь попробовать? Хорошие бабки плачу.

– А сам что? – удивился Кречетов.

– Так нужен сексапильный, харизматичный, чтоб публика пиццала, девочки в обморок падали, ну, сам понимаешь – типа, русский Рэмбо.

Не успел он договорить, как у Кречетова снова зазвонил мобильник. Владислав нажал кнопку ответа, и на всю комнату разнёсся встревоженный голос Тимоши:

– Влад! Ну как ты, дружище? Прости, раньше не мог. Пока Петьку с Дашуней уложили... Живой? Напугал ты нас сегодня. Шуму наделал. Только о тебе и говорят.

– Тим, спасибо тебе, – Кречетов, насколько позволяло ему его состояние, изображал безмерную благодарность за беспокойство. – Знаю, что свалил дурака, но теперь уж назад не повернёшь, так что... Насчёт работы? Ещё не думал. Добрышев предлагает на мастер-классах ему помочь. В училище? Посмотрим. Давай созвонимся ближе к августу. Хорошо. Ну, пока. Привет Таньке.

И отключил мобильник. Затем поднялся из-за стола, провёл пятернёй по волосам, всем видом показывая, что он на пределе усталости.

– Лёньк, – взмолился он, – отпусти меня спать. Я сегодня думать больше не в состоянии.

Глава 3. Тень гоблина

Директор летней творческой школы для юных музыкантов Ираида Львовна нервничала. Она любила, чтобы всё было гладко, без сучка без задоринки, а тут! Публика в концертном зале загородного Дома творчества композиторов жужжала, словно пчёлы в роевне. Малышня с визгом скакала по ковролину. Стеклянные двери энергично открывались-закрывались, при этом Ираида Львовна каждый раз вздрагивала: ей казалось, что вот сейчас уж точно стекло разлетится вдребезги.

Мальчишки носились, подчиняясь законам броуновского движения, и Ираида Львовна ежесекундно замирала в страхе оказаться сбитой с ног. Девчонки прогуливались парочками, шушукаясь и оглядываясь, будто их подслушивают, загадочно улыбались. Овальный рояльный зал наполнялся полуденным солнцем, поскольку стены его на две трети состояли из окон. Взлетали от сквозняков тюлевые занавески. Педагоги (а это были исключительно женщины) беспрерывно пили минералку прямо из бутылок и обмахивались – кто китайским веером, кто носовым платком, а кто просто пачкой листов с отскерокопированными нотами – становилось душно.

Миновал полдень. Ираида Львовна сокрушалась: «Обед уж близится, а Кречетова нет». Именно это обстоятельство выводило её из себя и ломало все планы. Профессор Добрышев рассказал все весёлые истории, которые случались с ним в годы его учёбы, провёл свои первые занятия с юными пианистами, а также перезнакомился с их родителями, нашёл общий язык с преподавателями, а Кречетов всё не мог выбраться из пробки на Ленинградском шоссе.

Ираида Львовна наблюдала за подопечными. Ну, вот та большеглазая тонконогая с шикарнейшей копной светлых волос – София Ласточкина из Находки. Или вон тот широкоплечий кудрявый и черноволосый Пётр, как его? Костиков? Нет, кажется, Костин, да. Из Москвы, этом году поступает в музыкальное училище, так же как этот subtilный Алексей, что приехал из Светловодска. Есть ещё интересный экземпляр из-под Петербурга: занимается исключительно музыкой, сменил несколько преподавателей. И это при том, что из учительской семьи и очень начитанный. Ему шестнадцать, и его папа по секрету рассказал, что привёз Володю специально, чтобы на сына повлияли Добрышев и Кречетов, ведь диплом нужен в придачу к таланту! Хотя Кисин, говорят, обошёлся без диплома. И ещё девочка из Светловодска, Аля. Вон она сидит с мамой. Головой к плечу маминому прислонилась. Косища у девчонки! И сама хорошенькая. Фигурка, черты лица тонкие, глаза выразительные, только больно уж серьёзная. Лишнего слова не скажет. И цвет лица необычный, с лёгким загаром. Наверное, от папы. Папа сидит в углу зала, от всех в стороне, читает толстый журнал. Интересный мужчина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.